

Марина Аромштам

Белый верх – черный низ

2.

...Так что я знала прекрасно, что будет с этими карандашами! Мама же мне объясняла: надо жить экономно, рассчитывать все до копейки. Карандаши не были «предметом первой необходимости».

Как экономить, маму учила бабушка Вера, папина мама. Она умерла, когда мне исполнилось два. Наука бабушки Веры далась маме не без труда. Считалось, что мама пришла из семьи, где цену деньгам не знали. Только мама могла с первой своей учительской зарплаты взять и купить килограмм апельсинов и два спортивных костюма – себе и папе. И бабушка Вера целый вечер проплакала... И это было не раз. Мама тоже плакала...

Но после бабушкиной смерти мама стала верной хранительницей бабушкиных заветов.

Большая буханка белого хлеба стоила 20 копеек, но правильно было бы называть его серым. Были еще белые батоны по 13 копеек. 20 больше 13. Но батон дороже буханки – он меньше, белее и мягче. Значит, вкуснее, и, значит, его быстрее съедят. Это неэкономно.

Правда, похоже на задачку повышенной сложности? Тут недостаточно знать правила арифметики.

Неэкономно срезать горбушки с обеих сторон буханки: незащищенный коркой хлеб гораздо быстрее сохнет. Так что горбушку срезаем только с одной стороны.

Неэкономно есть жареную курицу. Курицу надо варить. Тогда получаем и первое, и второе. Но и куриный бульон не едим. (Куриный бульон полагается только больным.) На бульоне (чаще мясном, мясо дешевле курицы) обязательно варим суп. Для супа не нужен концентрированный бульон. Наливаешь больше воды – получаешь больше еды. А чтобы возникло ощущение сытости, суп едим обязательно с хлебом.

...Всё едим с хлебом – макароны, картошку, кашу: без хлеба еды не бывает.

Двоюродная сестра папы пережила блокаду. Папа произносил: «Тетя Флора – блокадница», – как если бы он говорил: «Тетя Флора – святая». И время от времени кто-то из взрослых обязательно говорил: «Ленинградцам во время блокады в день выдавали 125 граммов хлеба». Это кусочек размером с ладошку маленького ребенка. За этими граммами часами стояли в очереди...

Я очень сочувствовала ленинградцам. Но я не любила «есть с хлебом».

Пока ты несешь хлеб домой, тебе так и хочется вонзить зубы в теплую мякоть (это, естественно, категорически запрещалось. И вообще нельзя есть на улице. Ты ешь – а все смотрят...). А дома хлеб терял всякую привлекательность.

Мама могла иногда сказать: «Ну ладно, это – мучное, и это – мучное».

Но с бабушкой, маминой мамой, это не проходило. Бабушка, мамина мама, жила отдельно от нас. А когда приезжала, то всегда садилась смотреть, как мы с братом едим. Не есть с нами

садилась, а именно смотреть: как двигаются ложки, сколько мы набираем супа. И главное, что там с хлебом:

– Ты почему ешь без хлеба? Что значит «не хочешь хлеб»? А ну сейчас же кусай! Кусай по-настоящему!

Тут я теряла способность сочувствовать ленинградцам. Я даже думала: 125 граммов – это вообще-то такой нормальный кусок. Вот сейчас он как раз и встанет у меня поперек горла. А бабушка, видимо, не разделяла маминых представлений о том, что детям следует объяснять требования и запреты. Требование есть с хлебом казалось ей безусловным, и она даже не старалась сдерживать возмущение:

– Нет, вы взгляните, она (он) и не думает кусать хлеб!.. Ты что, хочешь с голоду умереть?

А если к бабушкиному приезду в доме заканчивался черный хлеб (мамины отговорки вроде «Я как раз собиралась послать Маринку за хлебом» положения не спасали), бабушка чувствовала, что оказалась на месте преступления.

– У нее нет черного хлеба! – зывала бабушка к неведомому свидетелю, находившемуся где-то под потолком. – Она морит своих детей голодом!..

Слово за слово, голос бабушки усиливался, нарастал... И наконец:

– Мать-убийца! – кричала она на маму так, что мы с братом могли подавиться. Крик почти срывался на визг...

Потом бабушка неожиданно замолкала, уходила в комнату и, некрасиво обмякнув, усаживалась на диван. И сидела, бессильная, уставившись в одну точку.

Бледная мама, не глядя на нас, приказывала:

– Ешьте! Всё, что дают... Всё до последней ложки...

И, отвернувшись, шептала:

– Нервнобольная...

* * *

– Ты не думай, Мариночка: бабушка вовсе не злая. У нее просто расшатанные нервы. В следующий раз мы все сделаем, чтобы она не расстраивалась. Нужно просто с ней во всем соглашаться...

Нужно, чтобы к приезду бабушки у нас был хлеб – белый и черный. И чтобы капуста была. (Мама варила щи.) А как только откроется дверь и бабушка войдет, нужно сразу бежать в прихожую и бабушку обнять. Руки должны быть чистыми, одежда должна быть чистой. Не забыть про чистый носовой платочек. Мы постараемся сделать так, чтобы у бабушки было хорошее настроение...

Ничего не помогало.

– А ну-ка, не улыбайся, – говорила мне бабушка. – У тебя от этого глаза как щелки становятся. И на щеках вот так... (она показывала руками) ...некрасивые складки.

Бабушка словно затем и приезжала, чтобы дать волю «нервам». Чтобы сильно расстроиться, чтобы ее накрыло отрицательными эмоциями и сотрясло до основания. А потом она вернется домой – усталая, опустошенная и три недели, а то и месяц будет жить совершенно одна. Ну разве что пару раз сходит на партсобрание...

«Береги свои нервы! – советовала мне мама (когда бабушки не было рядом). – Все болезни – на нервной почве».

У бабушки были гипертония и диабет. Но больше всего она почему-то боялась глаукомы. Одно слово «глаукома» вызывало в ней содрогание, и она сразу торопилась закапать себе в глаза.

В этот момент я испытывала чувство сдержанного превосходства: надо же, так бояться какой-то там «глаукомы»!

Собственно, я и не знала, что это такое...

* * *

Бабушка всегда что-нибудь нам привозила.

Иногда привозила курицу.

И несмотря на страх, что бабушка раскричится, это был маленький праздник: курицу требовалось разделать.

Перья на куриных тушках, как правило, были выщипаны не чисто, и, чтобы избавиться от коротких обломанных кончиков, их опаливали над газом. Одной рукой держишь тушку за лапы, другой – за шею и туда-сюда «возишь» над пламенем. Запах паленой «плоти» был самым неприятным в процессе разделки. Да и куриный жир иногда капал на плиту: приходилось потом ее оттирать...

Но меня занимало другое: я не могла дождаться, когда курицу будут «вскрывать». Бабушка с мамой звали меня посмотреть, «как устроена курица»: «Вот сердечко, вот легкие, а вот это желудочек. А это большое – печеночка. Зеленый мешочек – желчный пузырь. Его нужно срезать осторожно. Разорвется – выльется желчь. Все станет горьким. А это – смотри! – желтенькие яички! Курица их не успела снести!..»

Куриные внутренности назывались исключительно уменьшительно-ласкательными словами, будто они – предмет любования.

А к неснесенным яичкам я вообще испытывала настоящую нежность, как будто в них были спрятаны воображаемые цыплятки.

Потроха потом жарили и делили между мной и братом. Их вкус почему-то всегда странно разочаровывал. Но признаться в разочаровании, конечно, было нельзя. И я делала вид, что мне «вкусно-превкусно».

* * *

Куриный бульон был маленьким праздником. Но чтобы сварить бульон, не нужно особых умений. Была бы курица, как говорится.

Вот бабушка Вера, папина мама, умела готовить из «ничего»! Иногда мама говорила иначе: «Бабушка Вера могла сварить кашу из топора». Маме очень нравилось выражение «каша из топора». (В какой-то момент я наткнулась на сказку про кашу из топора. Эта каша оказалась хитроумным обманом, а вовсе не результатом особого мастерства. Но к бабушке Vere это не относилось.)

Благодаря умению готовить из ничего (мама еще подчеркивала: вкусно готовить!) бабушка Вера и ее дети выжили в эвакуации. (Эвакуация – это когда детей и женщин во время войны отправляют куда-нибудь в безопасное место, подальше от бомбежек.) И мама тут же рассказывала (а иногда и показывала), как превратить воду в суп, бросив туда морковь, обжаренную с луком.

На память о ней и ее волшебном искусстве осталась огромная книга – большущая, толстая, в темно-коричневом переплете. Переплет украшали рельефные виноградные гроздья (их приятно было ощупывать), а среди кудрявой листвы гнездились название: «Книга о вкусной и здоровой пище». Эту книгу на день рождения (уже после войны) бабушке Vere подарили ее сыновья. И будто бы бабушка Вера от этого чуть не расплакалась...

Она пару раз пролистнула страницы, взглянула на сказочные картинки, вздохнула и будто бы произнесла:

– Были бы у меня эти продукты... особенно тогда... И рецептов не надо. Я бы такое вам приготовила...

И больше бабушка Вера эту книгу не открывала.